

чахъ и неудачахъ. Оказывается, человѣкъ очнѣйшій. Онъ занимаетъ меня почти всю дорогу.

Въ Тулу приѣзжаю въ 5-мъ часу вечера. Здѣсь мой поѣздъ стоитъ долго. Успѣваю обозрѣть окрестности. Изъ одного окна моего вагона виденъ товарный поѣздъ, не сколько вагоновъ которацо нагружены откормленными, спокойно лежащими, съ розоватой кожей, чистыми боровами, съ другой стороны высится вокзалъ — болѣлый, высокій, но какой-то мрачный. Иду въ него выпить стаканъ чаю, внутри его тоже темнота, неуютно, безлюдно. Въ самой Тулѣ не рѣшаюсь быть: до города не близко, (да и самый городъ не интересенъ, сколько я знаю объ этомъ по слухамъ, невзраченъ, грязенъ).

На всякий случай запасаюсь провизіей въ дальняѣшій путь. Сажусь на другой поѣздъ, идущій въ Орелъ. Оглядываю вагонъ, — ни души, Восшедшаго кондуктора спрашиваю, гдѣ удобнѣе сойти, чтобы пробраться въ Ясную Поляну. Кондукторъ ничего не можетъ объяснить. Диву даюсь. Больше спрашивать не у кого. Но вотъ входить другой кондукторъ, обращаюсь къ нему и узнаю: можно сойти на 1-мъ полустанкѣ (Козловой-Засѣкѣ), отъ него 3 версты до Ясной Поляны, но на немъ не бываетъ извозчиковъ; можно сойти на 2-мъ — въ Щекинѣ (онъ же Ясенки), отсюда 7 верстъ до Ясной Поляны, и на немъ всегда бываютъ лошади — и одиночки, и пары, и тройки. Рѣшаюѣхаться до Щекина. Поѣздъ нашъ наконецъ движется. Идетъ медленно. Какое-то беспокойство и нетерпѣніе растутъ во мнѣ по мѣрѣ приближенія къ щѣли. Вотъ и Щекино. Услужливые и, какъ вез-